

ОТЗЫВ

официального оппонента Н.В. Трофимовой о диссертации Н.Н. Бединой «Эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах», представленной на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Проблемы человеческого бытия: места человека в мире, сущности и цели жизни, смерти как конечной точки земного существования – были и остаются важнейшими в культуре и литературе любого народа. Современное духовное состояние общества требует переосмысления с учетом культурно-исторического опыта многих философских и нравственных вопросов, среди них и вопрос о жизни и смерти. Не случайно на рубеже веков в искусстве и литературе усилился и сохраняется вплоть до настоящего времени интерес к танатологии. В связи с этим тема диссертационного исследования Н.Н. Бединой представляется несомненно актуальной, причем в самом начале работы диссертант обоснованно разводит понятия «танатология» и «христианская эсхатология», видя в последнем богословский смысл. Православная эсхатология, в понимании автора рецензируемой работы, – учение не просто о конце жизни конкретного человека и людей вообще. Богословскую основу радостной христианской эсхатологии составляет чаяние Преображения мира и человека, преодоления конечности человеческого бытия.

Проблемами средневековой эсхатологии занимаются исследователи различных специальностей, и для их решения могут привлекаться объекты разных видов искусства. Словесное творчество в этом плане представляет собой важный предмет изучения, поскольку позволяет наиболее обоснованно, часто с опорой на различные уровни текста, раскрыть особенности средневекового мировоззрения на разных его этапах в единстве и эволюции.

Эсхатологические мотивы привлекали внимание исследователей при рассмотрении отдельных житий, апокрифических сочинений, некоторых

торжественных проповедей, посланий, синодиков. Однако до сих пор не создано целостного представления о эсхатологическом хронотопе русского средневековья с учетом сложившейся исследовательской традиции и на основе анализа представительного комплекса письменных текстов. Этим обстоятельством определяется новизна рассматриваемой работы.

Диссертация Н.Н. Бединой базируется на глубоком изучении широкого круга богословских, философских, исторических, культурологических, искусствоведческих, филологических исследований в избранной области, являя собой пример добросовестного и вдумчивого анализа предшествующей научной традиции. Каждое из рассмотренных исследователем направлений в изучении средневекового мировоззрения помогает взвешенно и многосторонне подойти к избранному исследовательскому материалу, выработав методологию, учитывающую различные уровни интерпретации текста. Такой подход приводит к использованию в работе многообразной палитры методов, в каждом случае соответствующих исследуемому объекту.

Введение диссертационного исследования четко определяет цели, задачи, проблему, теоретическую базу, методологию исследования. В положениях, выносимых на защиту, полно отразилась концептуальная основа диссертации.

В первой главе «Монастырь как квинтэссенция православной культуры» сосредоточены основополагающие для работы в целом размышления о становлении мировоззрения средневековой русской культуры, выявляется определяющее значение монашества и монастырей в этом процессе. По существу, здесь прослежена история русского монашества в культурном аспекте, рассмотрены сложные вопросы, связанные с влиянием византийской духовной традиции, в частности, исихазма. Обоснованно раскрыт особый облик монастырской культуры Руси, отличающий ее от византийской традиции и сложившийся под влиянием сочетания в рамках общежительного монастыря совместной деятельности монахов, келейной молитвы, существования скитов. Н.Н. Бедина утверждает, что монастырь был

«средоточием средневековой русской культуры», стремящейся к обретению целостной картины мира, которая отразилась в произведениях словесности.

Три последующие главы посвящены анализу эсхатологического хронотопа богослужебных и четких текстов XI-начала XVIII веков. Отбор произведений разных жанров и периодов позволяет проследить общие черты, сохранявшиеся на протяжении столетий, и отдельные изменения, происходившие на разных этапах.

Вторая глава «Хронотоп служебного текста» раскрывает особенности пространственно-временных характеристик, свойственных гимнографическим текстам и синодикам. Первый параграф, посвященный анализу молитвословий, которые включены в состав Ярославского Часослова XIII в. и принадлежат Кириллу Туровскому, Феодосию Печерскому, а также анониму, создавшему покаянную молитву «Азбуковник», убедительно раскрывает мысль о семантике целостности и эсхатологической перспективы, реализующейся в универсальном хронотопе. При этом особое внимание уделяется средствам создания хронотопа каждым из авторов: методу ассоциативной экзегезы Кирилла Туровского; акростишной форме, поддерживающей образ «Книги жизни», с нанизыванием молитвенных формул в «Азбуковнике»; приему перечисления в молитве «О верных» Феодосия Печерского. Единый образ мира рассматривается как созданный в каждом случае индивидуальными средствами.

Второй параграф посвящен своеобразию воплощения эсхатологического хронотопа в разных типах синодиков, памятников XVI-XVII вв., достаточно редко привлекающих внимание исследователей. На материале «Предисловия общего синодика», атрибутируемого патриарху Московскому Иову, рассматриваются нравственные основы эсхатологических идей, свойственные учительной прозе позднего средневековья. Обосновано значение покаяния и милосердия как основ синодичного молитвенного поминания усопших, пронизанного соборностью.

Традиция средневекового культурного мышления и форм его выражения прослежена в третьем параграфе второй главы на примере памятника гимнографии раннего Нового времени – «Службы благодарственной» по случаю Полтавской победы. Панегирик эпохи барокко, соединяя различные идейные пласты, проецируя Пасхальный пафос на победу над врагом, осуществляет, как убедительно показано в диссертации, трансформацию ассоциативного принципа ранней гимнографии и сохраняет важнейшие качества, свойственные средневековой культуре, – «эсхатологизм и соборность онтологического диалога».

Третья глава «Хронотоп четъего (повествовательного) текста» содержит анализ эсхатологических представлений, проявившихся в житиях и произведениях, в большей или меньшей мере связанных с агиографической традицией, принадлежащих разным периодам в развитии культуры.

В «Житии Феодосия Печерского», первом дошедшем до нас памятнике в жанре преподобнического жития, Н.Н. Бедина обнаруживает литургический код, составленный чтениями из Евангелия от Матфея, которые проходят через весь текст, определяя его эсхатологическую направленность. Анализируя концепты «ночь» и «день» и их соотнесенность с мотивами смерти и Воскресения, тьмы и света, исследователь доказывает, что время в житии прп. Феодосия – ночь, преодолевшая тьму и превратившаяся в свет, а наблюдения над концептами «пещера» и «теснота» приводят диссертанта к заключению о том, что пространство повествования расширяется и движется ввысь, становясь «горним местом».

Второе агиографическое произведение, привлечение внимания Н.Н.Бединой, – пространное житие равноапостольной княгини Ольги, входящее в «Книгу Степенную царского родословия», которое представляет собой своеобразный итог развития текстов, посвященных святой равноапостольной княгине. В диссертации показано, что ключом к этому произведению стали богослужебные тексты праздника Успения Пресвятой Богородицы, впитавшие в себя традиции более древних гимнографических

памятников, следы образности которых явственно обнаруживаются в житии и связывают образ Ольги – первой просветительницы русского народа с образом Богородицы. Анализ мотивной структуры произведения в соотношении с гимнографическими текстами приводит к логическому выводу о реализации в тексте Успенского хронотопа. При этом отмечается более прямолинейная система символических образов, нежели в «Житии Феодосия Печерского».

Третий четый текст, проанализированный в третьей главе, – «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма, житие благоверных князей, сочетающее агиографическую и устную легендарную традицию. Изучение концептуальной структуры произведения на конкретном материале раскрывает мысль, неоднократно заявлявшуюся по отношению к древнерусским памятникам, но не рассматривавшуюся ранее в связи с данной повестью – о трех уровнях понимания средневекового текста. Не отрицая традиционно признаваемых исследователями двух тем, заключенных в повести, – темы супружеской любви и верности и темы ума и разума – Н.Н. Бедина выделяет глубинный смысловой стержень произведения, его духовный смысл – движение к «бесстрастию Божию», по пути к которому мудрая Феврония ведет Петра, что и определяет хронотоп произведения. Проведенное исследование широко известного памятника обогащает представление о его содержании и подчеркивает тесную связь с культурной традицией, не только фольклорной, но и агиографической.

«Повесть о Горе-Злочастии», широко известный памятник переходной эпохи, рассмотрена как своеобразное воплощение повествовательной модели притчи о блудном сыне, удваивающее мотив падения героя и соотносящее сюжет повести с ветхозаветной историей грехопадения первых людей. Глубинный смысл произведения трактуется Н.Н. Бединой как притчеобразное отражение «учения Православной Церкви о природе человека и его назначении в эсхатологическом контексте» (с.189). В процессе исследования текста окончательно опровергается мысль, бытовавшая среди некоторых ученых, в том числе в работах Д.С. Лихачева, о том, что Горе олицетворяет

собой одну из сторон личности Молодца: показано, что, по сути, такая трактовка полностью противоречит ходу сюжета и замыслу автора. Н.Н. Бедина доказывает также, что не оправдан тезис о пессимистическом разрешении в повести проблемы человеческой судьбы, ибо произведение продолжает традицию средневековой культуры, сохраняя «эсхатологический оптимизм».

Анализ повествовательных текстов, проведенный в третьей главе, убедительно подтверждает мысль автора диссертации о том, что эсхатологический хронотоп проявляется во всех типах древнерусских письменных памятников различных эпох, вне зависимости от жанра, но различными способами.

Четвертая глава «Иконические образы пространства в текстах культуры XVI–XVII вв.» объединяет наблюдения над художественным пространством монументального исторического повествования XVI в. – «Казанской истории» и старообрядческими произведениями, посвященными осаде Соловецкого монастыря. В центре исследования – проблема средств создания сакрального пространства в позднесредневековой русской культуре. Оппозиции свет – тьма, верх – низ, змеборец – змея, духовное движение ввысь – «сошествие во ад» – оформляют пространственную картину, пронизанную евангельскими и календарно-литургическими мотивами, раскрывая внутренний замысел. «Казанской истории». Эти оппозиции входят в традиционную древнерусскую картину мира, но в произведении XVI в. концентрируются и отчетливо выражают авторскую мысль.

В параграфе, посвященном иеротопии Соловецкого монастыря, рассматриваются разнообразные, но связанные единой темой произведения старообрядческой традиции XVII–XVIII вв. – от челобитных до лицевого описания осады и разорения монастыря и устных исторических песен. Н.Н. Бедина с помощью структурно-семиотического и мотивного анализа показала, что центральными в письменной традиции становятся хорошо известные средневековым символам: остров как пространство иномирия,

райский сад и Святой град, создающие образ сакрального пространства Соловецкого монастыря. С традицией связывают хронотоп старообрядческих сочинений также мотивы последних времен и мученического конца. В фольклорной традиции, в соответствии с приведенными Н.Н. Бединой наблюдениями, преобладающим оказывается образ иномирия как инверсированного пространства живых, преобразующегося в пространство Небесного Царства.

Находя несомненные черты традиционного эсхатологического хронотопа в поздних текстах, диссертант обоснованно говорит о прямолинейности его выражения в «Казанской истории» и наметившемся опрощении эсхатологии в старообрядческих сочинениях, интерпретирующих ее как ожидание неизбежного конца грешного мира.

В Заключении диссертации обобщен материал исследования, раскрывающий обоснованность положений, вынесенных на защиту. Подтверждается единство мировоззренческих установок средневековой культуры с ее эсхатологическим оптимизмом при многообразии средств его выражения. В то же время выявлены особенности развития эсхатологических идей в направлении их сужения и опрощения. Следы средневекового эсхатологического мышления Н.Н. Бедина обнаруживает в культуре и литературе более позднего времени, отражающей менталитет русского человека. Цель исследования достигнута, положения, выносимые на защиту, доказаны.

Исследование Н.Н. Бединой отличают четкость в постановке задач и аргументации высказанных мыслей, выверенность терминологического аппарата, глубина осмысления разнородного словесного материала, совершенное владение разнообразными методами, необходимыми для комплексного анализа текстов.

В целом диссертационное исследование не вызывает замечаний, но хочется высказать некоторые размышления по отдельным деталям.

1. Представляется, что трактовка эсхатологического хронотопа «Повести о Горе-Злочастии» требует некоторых уточнений. В диссертации утверждается: «Толчком к выбору нового, «спасенного» пути для Молодца стало воспоминание о матери» (с. 187), и далее поясняется смысл песни, которую поет Молодец. Но герой, согласно тексту повести, решает вернуться на «свою сторону» только после того, как перевозчики дают ему совет идти домой и получить «благословение родительское». Как и во всех предшествующих ситуациях выбора между добром и злом, Молодец слушает советы окружающих и следует им. Но его попытки вернуться не приводят к спасению: на земле, в воде, в небесах Горе продолжает преследовать его.

Только одно решение он принимает вопреки совету, и именно оно оказывается спасительным. Когда Горе «научает молодца богато жить – убить и ограбить... Спамятует молодец спасенный путь – и оттоле молодец в монастыр пошел постригаться...». Две заповеди, нарушить которые пытались заставить Молодца Горе, удержали его от окончательного падения и заставили впервые поступить по-своему в ситуации выбора. И именно это решение, думается, вызывает оптимистическую мысль автора: «а Горе у святых ворот остается, к молодцу впредь не привяжетца!» «Светлый рай», которого взыскует автор в конце повести, может быть дан только человеку, делающему сознательный выбор в пользу добра.

2. Размышляя о хронотопе «Казанской истории», Н.Н. Бедина обращает внимание на Пасхальные мотивы, не соответствующие реальному времени повествования. Возможно, непроговоренная, но имманентно присутствующая в тексте диссертации иконописная параллель подчеркнула бы эту мысль. На с. 225 читаем: «В целом, победа Московского государя над «змееподобной» Казанью может быть прочитана как символическое «сошествие во ад» и одновременно духовное возрастание». Традиционно непостижимый для человека

момент Воскресения Христова не изображался на иконах, и именно сюжет «Сошествия во ад» чаще всего заменял в иконописи центральное событие христианской истории. Кажется, только в XVII в. появляются иконы «Воскресение – Сошествие во ад», со сложными многофигурными композициями. Так и в «Казанской истории» символическое «сошествие во ад» подразумевает воскресение злого змеиного царства к новой христианской жизни.

Высказанные соображения, безусловно, никак не влияют на высокую положительную оценку диссертационного исследования Н.Н. Бединой, имеющего несомненную теоретическую значимость. Материалы и выводы диссертации обогащают представления о мировоззрении и особенностях русской средневековой культуры, углубляют понимание процесса ее развития, дают новые возможности доказательной интерпретации конкретных текстов. Предложенная методология работы со словесным материалом может использоваться в дальнейших исследованиях.

Практическая значимость материала и выводов диссертации определяется возможностями их использования в преподавании курсов культурологии, русской литературы, отечественной истории, религиоведения, при создании учебников и учебно-методических пособий для этих курсов, в процессе разработки культурно-просветительских и духовно-воспитательных проектов.

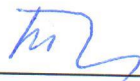
Содержание диссертационного исследования полно отражено в двух монографиях, автореферате, многочисленных статьях, 27 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Диссертация прошла солидную апробацию на международных, всероссийских, межрегиональных конференциях.

Диссертация соответствует требованиям пп. 9–11, 13,14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением № 842 Правительства РФ от 24.09.2013 г. (в ред. Постановлений Правительства РФ от 01.10.2018 г. №1168)», предъявляемым к докторским

диссертациям, а ее автор, Бедина Наталья Николаевна, заслуживает присуждения искомой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).

Трофимова Нина Владимировна,
доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 – Русская литература), профессор,
профессор кафедры русской классической литературы Института филологии
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
Адрес: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр.1
Телефон: +7 (499) 245-03-10
E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

19 октября 2020 г.

Н.В. Трофимова

Сопровождаю
копию письма Н.В. Трофимовой
к руководителю
Управления делами
М.И. начальника

С.С. Андреев